

Эзех и Коннорс против Соединенного Королевства **Ezeh and Connors – United Kingdom (№ 39665/98 and № 40086/98)**

Постановление от 15 июля 2002 г. [вынесено III Секцией (в предыдущем составе)]

Факты Во время отбывания длительного срока лишения свободы заявители были обвинены в нарушениях установленных правил исправительного учреждения. Первый заявитель был обвинен в том, что угрожал убить инспектора, осуществлявшего надзор за поведением условно осужденных преступников; второй заявитель был обвинен в нападении на сотрудника тюрьмы. Просьбы заявителей о том, чтобы им позволили иметь защитников при соответствующем дисциплинарном производстве, были отвергнуты начальником тюрьмы. Обоих заявителей признали виновными и назначили 40 и 7 дней дополнительного тюремного заключения соответственно. Затем им было отказано в возможности подать жалобу в суд с просьбой о проверке законности действий тюремных властей.

Вопросы права По поводу подпункта «с» пункта 3 Статьи 6 Конвенции. Что касается вопроса о применимости Статьи 6 Конвенции к рассматриваемому дисциплинарному производству в тюрьме, то правильным было бы применить критерии, установленные по делу Энгеля (Серия А, № 22)¹.

Во-первых, что касается классификации правонарушений в национальном праве, стороны не оспаривали то, что вменявшиеся заявителям нарушения относились к сфере действия дисциплинарного права. Во-вторых, что касается природы обвинений, то следует отметить: в то время как для доказывания факта совершения правонарушения, в котором обвиняли первого заявителя, не требовалось устанавливать наличие определенных элементов состава этого правонарушения (как это требовалось бы при доказывании эквивалентного преступления), из обстоятельств, связанных с предъявлением ему обвинения, следует, что они могли быть основанием и для возбуждения против него уголовного преследования. Что же касается второго заявителя, то, бесспорно, что нападение, совершенное им, могло быть в соответствии с уголовным правом квалифицировано и как преступление. Хотя обвинение против него было связано с достаточно тривиальным инцидентом, который мог и не привести к уголовному преследованию вне контекста события в данном тюремном заведении.

Следовательно, хотя эти факторы сами по себе не достаточны, чтобы прийти к выводу, что деяния заявителей были «уголовно наказуемыми», они придали деяниям определенную окраску, которая не позволяет полностью говорить о том, что дело было чисто дисциплинарного характера. Поэтому необходимо обратиться к третьему критерию, а именно к природе и строгости наказания, риску которого подвергались заявители. Этот риск определяется, прежде всего, путем ссылки на максимальное наказание, которое в этом случае могло бы быть им назначено. И в то же время, если

¹ Постановление по делу «Энгель и другие против Нидерландов» было принято Европейским Судом 3 ноября 1976 г. (прим. перев.)

реально наложенное на заявителей наказание также имеет значение, оно не может уменьшить важность того, что изначально потенциально грозило заявителям. Что касается природы наказания, то следует отметить: в то время как практика освобождения от дальнейшего отбывания наказания давала заключенным правомерные основания ожидать, что они могут быть освобождены из тюрьмы к определенной дате, какое-либо «право» на освобождение отнюдь не возникало автоматически до истечения любого количества дней дополнительного наказания. Таким образом, правовым основанием содержания в заключении в течение этих дней продолжали оставаться первоначальный обвинительный приговор и назначенное судом наказание.

Тем не менее, заявители оставались в заключении на более длительный срок, по сравнению с той датой, когда они были бы освобождены в соответствии с первоначальным приговором. Возник вопрос: была ли строгость такого дополнительного наказания достаточной для того, чтобы гарантии Статьи 6 Конвенции применялись бы и к дисциплинарному производству. Максимальное количество дополнительных дней было установлено в 42 дня, а заявителям было назначено 40 и 7 дней дополнительного лишения свободы соответственно. Лишение свободы, применяемое в качестве кары или в качестве меры предупреждения преступлений, относится к сфере уголовного права, кроме тех случаев, когда по самой своей природе, срокам или способам исполнения лишение свободы не может считаться причиняющим ощутимый вред личности. Посему имела презумпция того, что обвинения против заявителей были уголовно-правового характера. Что же касается природы и способа исполнения назначенного заявителям наказания, то нет ничего такого, что позволяло бы предположить, что дальнейшее наказание отбывалось ими бы не в тюрьме, и не в рамках того же режима тюрьмы. Что же касается длительности срока нового наказания, то аргумент властей Соединенного Королевства, заключавшийся в том, что элемент «ощутимого вреда личности» следует определять путем ссылки на длительность уже отбытого наказания, нельзя принять, так как в результате этого Статья 6 Конвенции применялась бы к дисциплинарному производству в отношении одного заключенного, и не применялась бы к дисциплинарному производству в отношении другого заключенного, обвиненного в аналогичном нарушении. Европейскому Суду не было представлено доказательств того, что срок нового наказания можно считать незначительным или несущественным и потому снимающим вопрос об уголовно-правовой природе предъявленных заявителям обвинений.

Таким образом, следует считать, что новые сроки лишения свободы, назначенные заявителям, приносит ощутимый им вред, и презумпция, согласно которой предъявленные им обвинения были уголовными, не была опровергнута. Следовательно, Статья 6 Конвенции подлежала применению.

Не оспаривалось, что ходатайства обоих заявителей о предоставлении им защитника были отвергнуты. Более того, нормы прецедентного права Соединенного Королевства исключали какое-либо право на защитника при таком производстве. Таким образом, в нарушение подпункта «с» пункта 3 Статьи 6 Конвенции заявителям было отказано в праве на юридическое представительство при дисциплинарном производстве. Европейский Суд не счел необходимым рассматривать вопрос о том, требовали ли интересы правосудия предоставления им правовой помощи бесплатно.

Постановление Вывод: допущено нарушение подпункта «с» пункта 3 Статьи 6 Конвенции (принято единогласно).

Компенсация В порядке применения Статьи 41 Конвенции. Европейский Суд решил, что признание факта нарушения Конвенции само по себе было достаточной и

справедливой компенсацией любого причиненного заявителям морального ущерба. Суд также вынес решение в пользу заявителей о возмещении судебных издержек и иных расходов, понесенных в связи с судебным разбирательством.